

УДК 371(91):373.3

Витенко Н.П.

РОССИЙСКАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНО- ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: образовательно-просветительский проект, начальное образование, содержание образования, юридический регламент, политические и мировоззренческие позиции, исторический процесс.

Педагогическая мысль России первой половины XIX в. является важным источником, оказавшим значительное влияние на развитие просвещения и образования, на становление педагогики как науки. Данный исторический период отличается существенными структурными преобразованиями в области административного управления системой образования, призванными привести ее в соответствие с потребностями развивающихся отраслей хозяйства, торговли, вооруженных сил. Начало XIX в. ознаменовалось созданием Министерства народного просвещения (1802 г.), появлением важных законодательных актов об учебных заведениях: были приняты «Предварительные правила народного просвещения (1803 г.), «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» (1804 г.). Появление данных нормативных документов отражало политику правительства, направленную на создание единой системы общего образования в России, состоящей из четырех преемственно связанных между собой ступеней. В каждом округе планировалось открыть учреждение высшей ступени – университет, губернский город должен был в обязательном порядке иметь гимназии как учреждения средней ступени, промежуточную ступень представляли уездные училища. Однако радикальной реорганизации подверглась начальная ступень существовавшей с конца XVIII в. системы общего образования – главные и малые народные училища, которые должны были быть преобразованы в приходские (городские и сельские), организованные повсеместно при церковных приходах.

Согласно «Уставу учебных заведений, подведомственных университетам» в приходские училища принимались «всякого состояния дети без разбору пола и лет». Они учреждались для двоякой цели: подготовить к обучению в уездных училищах, а также «чтобы доставить детям земледельческого и других состояний сведения, им приличные, сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, действия коих столь вредны их благополучию, здоровью и состоянию» [7, с. 42]. Как начальные школы, в которых «обучают чтению, письму, первым действиям арифметики, главным началам закона Божьего и нравоучения» [там же], приходские училища выступали базовой образовательной ступенью.

Проблемы начального образования, до этого не вызывавшие острого интереса у умеренно-либеральных представителей культуры и науки, государственных и политических деятелей, стали предметом их размышлений. Ближайший соратник Александра I М.М. Сперанский (1772–1839), известный как автор разработанного в 1809 г. общего плана государственных преобразований и участвовавший в проекте создания Министерства народного просвещения, составил служебную записку «Об усовершенствовании общего народного воспитания». Он отмечал, что учение в приходских училищах большей частью оставляется детям людей бедных, однако и им надо дать возможность получать разностороннее образование, не ограничивая его «токмо начатками словес-

ности» [6, с. 50]. Являясь членом так называемого Негласного комитета – не имевшего официального статуса, но весьма влиятельного совещательного органа при Александре I, М.М. Сперанский принимал участие в разработке регламентационных документов и активно содействовал продвижению государственных реформ в области начального образования.

Осуществление реформы системы образования актуализировало внимание представителей прогрессивной общественной и педагогической мысли к проблемам массового просвещения, направив его преимущественно на поиск альтернативных вариантов развития российской школы. Они получили воплощение в разработанных с разной степенью полноты и конкретности образовательно-просветительских проектах, отражающих представления их создателей об идеальной картине будущего. Проблемы начального образования были отражены в трудах известного публициста и историка Н.М. Карамзина (1766–1826). Он видел главное благоденствие России в распространении сельских приходских училищ, которые, по его мнению, и являлись прочным основанием государственного просвещения. Н.М. Карамзин считал систему приходских училищ истинно народной и более полезной, чем систему уездных, губернских и окружных образовательных учреждений, включая гимназии и лицеи, приготавливающие к обучению на высшей ступени, в университетах. Н.М. Карамзин в проекте «О новом образовании народного просвещения в России», опубликованном в 1803 г. [1], выска-

зывает смелую критическую мысль относительно недостаточности мер по нравственному воспитанию в Уставе 1804 г. и настаивает на необходимости усиления нравственного воспитания в приходских училищах: «Дерзну сказать, что сочинение *нравственного катехизиса* для приходских училищ достойно первого гения в Европе: так оно важно и благотельно! Можно предвидеть затруднения в начале такого нового для России учреждения, особливо в некоторых отдаленных губерниях; но время, опыты и великие выгоды грамотного человека во всех отношениях сельской жизни наконец убедят земледельцев в необходимости учения – и меры кроткого понуждения уступят действию искренней охоты...» [2, с. 64]. Н.М. Карамзин в целом поддерживал государственную политику в области просвещения и, стремясь улучшить некоторые его стороны, видел в развитии приходских училищ залог процветания не только своей страны, но и Европы, жребий которой, по его справедливому мнению, зависел от жребия могущественной и великой, стремящейся к просвещению России.

В отличие от проекта Н.М. Карамзина, направленного на совершенствование конкретных мер, предусмотренных Указом Правительствующему сенату «Об устройстве народных училищ» (1803 г.), в России разрабатывались умозрительные футуристические проекты. К их числу относится проект «Записка о направлении и методах первоначального образования народа России», написанный в 1839 г. И.В. Киреевским (1806–1856). Являясь ярким представителем одного из направле-

ний русской общественной мысли – славянофильства, И.В. Киреевский последовательно выступал за радикально отличный от общеевропейского путь политического и духовного развития России. Началом этого пути он полагал создание новой системы начального образования.

И.В. Киреевский размышляет о пользе и вреде просвещения широких народных масс. Образованность, по его мнению, исправляет и развивает представления о религии как источнике нравственности, открывает дорогу дарованиям, помогает познавать законы и следовать им, смягчает нравы, сближает классы, готовится к развитию общей государственной справедливости, ускоряет развитие промышленности и движение капиталов. Однако он не идеализирует образованность и просвещенность. И.В. Киреевский отмечает и негативные моменты, непременно сопровождающие расширение государственной системы начального образования, указывая на многочисленные факты безнравственного поведения людей, которых считают образованными и благонамеренными. Вместе с тем, поставив на чашу весов то влияние, которое оказывает образование или его отсутствие, он склоняется к необходимости развития и усовершенствования системы первоначального образования, принимая во внимание все возможные негативные последствия. «Приверженцы первоначального образования оправдывают зло, им производимое, возможностью будущего искупающего усовершенствования; приверженцы невежества не имеют и этого утешения» [3, с. 418]. Ложность

просвещения высшего класса и ложность отношений этого просвещения к народу он считает одной из главных причин его упадка.

Сомнения И.В. Киреевского высказаны в форме столь характерного для него вопросного ряда, насчитывающего десять весьма принципиальных, но остающихся до некоторой степени риторическими вопросов. Структурная композиция проекта отражает последовательность позиций вопросного ряда. Так, размышляя о способах содействия улучшению первоначального образования народа, он указывает на такие факторы, как обучение грамотности, сообщение первых начал истории, географии, арифметики, а также технических сведений. Признавая важность данных учебных предметов, И.В. Киреевский отмечает как их положительное формирующее влияние, так и возможные ограничения.

Раскрывая свое отношение к обучению грамоте, он дает ей следующую оценку: «*Грамотность*, отдельно взятая, отдельно от развития известных положительных истин, отдельно от всякого определенного направления, непонятно почему могла бы быть полезна и желательна... Чтобы грамотность, *отдельно взятая*, была полезна для народа, надобно, чтобы прежде изменился характер словесности вообще и господствующий образ мыслей высших классов, производящих у нас словесность» [3, с. 419–420]. Научиться читать для бесцельного времяпрепровождения за «произведениями так называемого *легкого* чтения» И.В. Киреевский считает занятием вредным, приводящим народ к состоянию еще большей необразованности. *Сведения*

технические, по мнению В.И. Киреевского, имеют ту неоспоримую выгоду, что «обучаемому классу дают возможность к улучшениям хотя физического своего благосостояния» [там же, с. 212]. Однако положительный эффект нейтрализуется тем, что «все ремесленники наши подвержены разврату». В том же духе характеризуется влияние, которое оказывает изучение истории, географии, арифметики. Эти предметы также «могут быть полезны, или бесполезны, или даже вредны, смотря по нравственному направлению лица, их приобретшего» [там же, с. 420].

Отрицая однозначно положительное формирующее воздействие вышеперечисленных учебных дисциплин, И.В. Киреевский задает новый вопрос и отвечает на него: «Какое же просвещение остается еще для народа? Остается *познание веры*» [там же]. Вера выступает не только как рациональное знание, характерное для разумного понимания религиозных догматов. В отличие от идей, развиваемых европейским просвещением, которое И.В. Киреевский называет «*логическим просвещением*», он выдвигает концепцию «*духовного просвещения*». В ней соединены воедино благочестивые помыслы, высокие нравственные чувства, моральные убеждения, базирующиеся на опыте и реализуемые в деянии, здоровое воззрение ума на веру, развивающее любознательность ума просвещенного. Однако традиционные пути усвоения религиозных истин, включающие прежде всего догматическое обучение религии и рассматривающие *веру* как содержание одной из наук, И.В. Киреевский отвер-

гает. Не отрицая важности изучения в начальной школе катехизиса, вооружающего рациональными знаниями и развивающего память, мыслитель считает более важным узнавать истины веры не из катехизиса, но через молитву, просвещая вместе разум и сердце. Непременным условием тако-го «духовного просвещения» является познание *словенского языка*.

Словенский язык как язык славянский избран И.В. Киреевским на том основании, что ввиду ограниченности книг на этом языке «в нем нет *ни одной книги* вредной, ни одной бесполезной, не могущей усилить веру, очистить нравственность народа, укрепить связи его семейных, общественных и государственных отношений» [3, с. 422]. Изучение словенского языка должно сочетаться с изустным толкованием молитв, Нового завета, Псалтыря, кратким объяснением литургии.

Таким образом, в проекте И.В. Киреевского начальная школа мыслилась как преддверие церкви. Воспитание чувства веры и нравственности имело приоритет над обучением; введение нового предмета – *словенского языка* – давало возможность понимать церковное богослужение и укрепляло «народные понятия». Заслуживает положительной оценки высказанная В.И. Киреевским идея издать для начальной школы учебник по истории в картинках, оснастить начальную школу специальным дидактическим пособием для преподавания географии, представляющим собой черную доску с белыми линиями градусов; соотнести более строго методы преподавания с целью первоначального обучения.

Проект о преобразовании системы начального обучения был передан попечителю учебного округа графу С.Г. Строганову на рассмотрение, однако не был поддержан и осуществлен. Авторитетный писатель Т.Н. Грановский так оценил проект В.И. Киреевского: «Осуществление его идей оказалось невозможным, но в них много глубокого, и, несмотря на его прочие заблуждения, мистицизм, болезненный патриотизм, у него видно необыкновенное сознание настоящего момента русской истории» (цит. по: [6, с. 427]). В.И. Киреевский пытался найти новые основы духовной и умственной жизни, его мысли об образовании способствовали более глубокому осмыслению современниками духовных и культурных проблем России.

Большой общественный резонанс получили проекты переустройства сельской системы образования «План народной политехнической школы» (1847 г.) и составленный уже во второй половине XIX в. план народных земледельческих училищ, разработанные известным общественным деятелем, публицистом и поэтом Н.П. Огаревым (1813–1877). Проекты явились результатом его раздумий о судьбах российской деревни и крестьян, занимавшихся тяжелым и малопродуктивным трудом. Непосредственное общение Н.П. Огарева с крестьянами во время весьма недолгого периода жизни в своем имении в Пензенской губернии и попытки сделать более эффективным их труд побудили его к глубоким размышлениям об экономическом и технологическом переустройстве сельскохозяйственного труда и быта. Н.П. Огарев выделяет «три рода пред-

рассудков: религия, гражданственное устройство (разумя под этим общинный быт как коренное основание) и хозяйственное устройство. Общий результат их – опять косность в нравственном и индустриальном отношении. И вот против чего должно действовать воспитание... В борьбе с предрассудками посредством воспитания мало одного учения, весь образ жизни учеников должен быть устроен ежеминутным противодействием предрассудкам, привитым с первого детства» [4, с. 407].

Идеи Н.П. Огарева, обращенные к созданию нового типа образовательного учреждения – «школы сельского хозяйства», – отражают его стремление организовать воспитание новых людей, вышедших из среды крестьянской молодежи, которые не только владеют рациональными формами и приемами крестьянского труда, но и способны обучить им других крестьян. При разработке концептуальных положений проекта он ориентируется на ведущий принцип парижской Политехнической школы, согласно которому специальное образование любого уровня должно осуществляться на базе общего. Трудность заключалась в том, что будущие ученики, как и их родители, до поступления в сельскую политехническую школу были неграмотными крепостными крестьянами. Н.П. Огарев в своем проекте предусматривает (и частично реализует) систему мер, позволяющую преодолеть данные рассогласования. Он предусматривает, с одной стороны, освобождение учеников политехнической школы от крепостной зависимости с условием отработать несколько лет в качестве учителя-пропагандиста

новых форм земледелия и, с другой стороны, предлагает начинать первоначальное обучение, соединенное с профессиональным образованием, несколько позже, в 12–14 лет.

Согласно проекту, курс обучения разделен на четыре класса. В первый год ученики учатся считать по пальцам и по счетам, а также писать цифры. Грамота преподается по так называемому «методу Жакото» – аналитической методике, разработанной французским педагогом Ж.Ж. Жакото (1770–1840) для обучения родному языку. Занятия проводятся в форме беседы, сочетающейся с механическим заучиванием отрывков из произведений художественной литературы, в которых обучающиеся сами должны обнаружить особенности грамматики и синтаксиса. Как последовательный представитель материализма, Н.П. Огарев предлагает обучение чтению проводить на основе изучения шрифта гражданского алфавита. Изучение букв, воспроизводящих старославянскую графику (так называемую «церковную печать»), не предусматривается. Автор проекта искренне полагает, что будущему «мужику-пропагандисту» придется читать все больше писаное, а не печатное, и поэтому писаных от руки материалов предлагает предоставлять как можно больше. Выучившись писать, дети продолжают писать под диктовку и переписывать полезные по своему содержанию тексты.

Сочетание общего и профессионального образования в первом классе находит отражение в совмещении курсов арифметики, физики и метрологии. Занимаясь в первой половине дня математикой и физикой, учащиеся

проводят несложные опыты и пытаются объяснить «“атмосферические явления”». Вечерние классы составляют диктовку предметов, которые должны быть опытом объяснены на другое утро... Делаются аналитические опыты [по химии] над телами, которыми мы наиболее окружены» [4, с. 409].

Во втором классе изучается геометрия, вводятся геодезические понятия, в курсе физики изучается раздел «Механика», являющийся своеобразным преддверием к познанию законов движения. Химия изучается с позиций количественного анализа, объясняется теория пропорций. В третьем классе основное внимание уделяется изучению физики и химии, астрономии, химии в приложении к земледелию, физиологии растений и животных. Вводятся геология и ботаника, преподаются лесоводство, технология и сельское хозяйство. Обучение в четвертом классе посвящено анатомии, зоологии, сельской и технической архитектуре, грамматике, географии в приложении к производству и торговле различных стран, политической экономии, истории, праву, этике и способности противостоять предрассудкам.

На возможные возражения, касающиеся набора предметов, предлагаемых в начальной политехнической школе, Н.П. Огарев отвечал, что «это не университетский курс, а именно тот, который должен образовывать селянина» [там же]. Обучение должно сочетаться с прогулками по лесам, полям и оврагам, быть «приноровленным» к лесоводству, ботаническим и геологическим сведениям, съемкам планов, а также занятиям на скотном дворе.

Попытка преодолеть невежество путем создания новой политехнической школы, сочетающей в себе общую начальную школу, школу-ферму и школу-мастерскую, была частично реализована Н.П. Огаревым на практике. Он организовал школу-мастерскую для девочек из отдаленных сел, которым была предоставлена возможность проживать в общежитии-интернате. Однако данный проект, утопичность которого впоследствии осознал и сам автор, в полном объеме реализован не был. Идея подготовки нового «мужика-пропагандиста», внедренного «как фермент» в крестьянские общины, стремление перевести сельский барщинный труд на вольнонаемный не получила понимания даже у крестьян, отпущенных Н.П. Огаревым на волю.

Таким образом, первая половина XIX в. ознаменовалась радикальными реформами системы образования, в центре которых находилась начальная школа. Внимание к системе начального образования было актуализировано сменой технологического уклада и ценностных оснований общества, передовые представители которого ясно ощущали необходимость подготовки подрастающего поколения к грядущим переменам. Оставаясь утопическими, образовательно-просветительские проекты открыли современникам новые горизонты видения будущего России, работа над воплощением которого началась с социального проектирования на базовом уровне – уровне начальной школы.

Литература

1. Карамзин, Н.М. О новом образовании народного просвещения в России / Н.М. Карамзин // Вестник Европы. 1803. № 8, ч. 8. С. 49–61.

2. *Карамзин, Н.М.* О новом образовании народного просвещения в России / Н.М. Карамзин // Антология педагогической мысли России первой половины XIX века. М.: Педагогика, 1987. С. 63–64.
3. *Киреевский, И.В.* Записка о направлениях и методах первоначального образования в России / И.В. Киреевский // Критика и эстетика. М.: Искусство, 1989. С. 417–426.
4. *Огарев, Н.П.* Народная политехническая школа (Ecole polytechnique populaire) / Н.П. Огарев // Антология педагогической мысли России первой половины XIX века. М.: Педагогика, 1987. С. 405–411.
5. *Сперанский, М.М.* Об усовершенствовании общего народного воспитания / М.М. Сперанский // Антология педагогической мысли России первой половины XIX века. М.: Педагогика, 1987. С. 49–53.
6. *Примечания // Критика и эстетика / И.В. Киреевский.* М.: Искусство, 1989. С. 427.
7. *Устав учебных заведений, подведомственных университетам // Антология педагогической мысли России первой половины XIX века.* М.: Педагогика, 1987. С. 31–45.